

ное место. Так, М. Бернацка проанализировала эту проблему на примере польской крестьянской семьи («Семейная связь в крестьянском обществе — традиции и изменения»), М. Радованович — на примере сербской крестьянской семьи («Существенные признаки современных процессов в сельской семье в Сербии»). Р. Столичная остановилась на вопросе соотношения традиционного и нового в повседневной и праздничной пище в словацкой семье.

Одна из важнейших функций семьи — функция социализации, в том числе межпоколенная передача этнокультурной информации, играющая важную роль в воспроизводстве этноса. По этой проблеме также был сделан ряд докладов, в основном учеными из ЧССР: например, доклады А. Пранды («Основные факторы процесса передачи этнокультурных традиций»), И. Герольдовой («Передача этнокультурной информации в этнически гомогенных и гетерогенных семьях»), Д. Ратицы («Семейное воспитание как форма передачи этнокультурной информации»), В. Гашпариковой («Семья и повествовательная традиция»), М. Малой («Влияние культурной ориентации семьи на культурное развитие детей») и др.

Роли семьи в трансмиссии семейных обычаев и обрядов также было посвящено несколько докладов. Так, Д. Тодоров в докладе «Структура и интенсивность потребления культуры в современной болгарской семье» остановился на функциях современных обрядов и их толковании. В специальных докладах освещались вопросы трансформации семейных обрядов и праздников у венгров (М. Морвай) и у сербов (З. Дивац).

Симпозиум показал, что во всех европейских социалистических странах, участвующих в работе Международного комитета по этнографическому изучению современности, в последние годы активизировалось исследование различных этносоциологических и этнографических аспектов брака и семьи по скоординированной программе. Она была разработана в рамках комитета на основе проекта, подготовленного советскими учеными с учетом изучения семьи в европейских социалистических странах. Проблематика, методология и содержание докладов показали, что опыт этнографических и этносоциологических исследований в СССР довольно широко известен в странах, участвующих в работе Международного комитета. В то же время советские исследователи учитывают опыт изучения современности, в том числе семьи и быта, в европейских социалистических странах.

В ходе обсуждения докладов выявилось много общего в методологии изучения и в процессах и закономерностях развития семьи у народов европейских социалистических стран при сохранении исторически сложившихся этнокультурных особенностей.

В заключительном слове директора Этнографического института САН члена-кор. САН Б. Филовой была дана высокая оценка научной значимости симпозиума. Она отметила, что обсуждавшиеся на симпозиуме проблемы имеют не только научно-теоретическое, но и большое практическое значение с точки зрения совершенствования морали, эстетики и гуманизации отношений в семье, соответствующих социалистическому образу жизни. Не случайно работа симпозиума освещалась в прессе, в том числе в журнале словацких женщин¹.

Во время симпозиума состоялся «круглый стол» (словацкие ученые называют его «открытая трибуна») для молодых ученых, организованный Этнографическим институтом САН в рамках периодически проводящегося семинара по марксистской методологии. Эта встреча была посвящена междисциплинарному подходу к изучению семьи и привлекла много молодых участников симпозиума.

Участники симпозиума единодушно высказались в пользу целесообразности дальнейшей координации исследований по различным проблемам брака и семьи путем проведения конференций и симпозиумов, а также в публикации их материалов. В связи с этим было принято решение об издании материалов симпозиума, состоявшегося в Смоленице (с кратким резюме докладов на русском и английском языках). Публикация будет осуществлена Этнографическим институтом САН в Братиславе.

Во время работы симпозиума состоялась рабочая встреча членов Международного комитета по этнографическому изучению современности, на которой присутствовал председатель комитета А. Робек (ЧССР), а также члены комитета М. Бернацка (ПНР), Л. М. Дробижева (СССР), Д. Тодоров (НБР). Было принято решение о выпуске бюллетеня с информацией о тех конкретных темах, которые исследуются этнографами и этносоциологами по культурным процессам в условиях социализма.

Л. М. Дробижева, М. С. Кашуба

¹ «Slovenka», t. 14, 1983, s. 14—15.

ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ФИННО-УГОРСКИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР: ПРОБЛЕМЫ СИНКРЕТИЗМА»

1—4 октября 1982 г. в Таллине проводилась всесоюзная конференция на тему «Финно-угорский музыкальный фольклор: проблемы синкретизма», организованная Институтом языка и литературы АН Эстонской ССР и Фольклорной комиссией Союза композиторов Эстонской ССР. В конференции приняли участие фольклористы-музыковеды, филологи, хореографы и этнографы из 18 городов нашей страны, представлявшие 25 научных учреждений двенадцати союзных и автономных республик. Всего

было прослушано 27 докладов. Вступительное заседание было посвящено общетеоретическим аспектам синкретизма, следующие — более частным темам. К конференции был издан сборник тезисов докладов¹.

Синкретизм представляет собой мало изученное явление. Сама проблема весьма актуальна не только с теоретической, но и с практической точки зрения, в связи с возрастающей ролью фольклора в современной культуре.

Понятию синкретизм посвятил свое выступление зав. сектором фольклора Института языка и литературы АН ЭССР Ю. Тедре (Таллин). Синкретизм в фольклоре, подчеркнул он, означает прежде всего изначальную нерасчлененность отдельных видов, жанров и функций искусства, а также единство народного творчества, верований и мировоззрения. Особенно ярко синкретизм проявляется в архаических пластах культуры. В процессе развития из первичного нерасчлененного целого выделяются отдельные элементы искусства, становясь самостоятельными видами и подвидами, которые, однако, и в более поздних пластах культуры не существуют разрозненно, а переплетаются и пересекаются между собой. А. И. Богданов (Москва) выдвинул понятие макросинкретизма на уровне фольклор+традиционный труд и материальная культура+природа и призвал охранять фольклор, как природу. Интересный аспект синкретизма был затронут Е. А. Алексеевко (Ленинград), рассказавшей о единстве функции народной музыки и медицины, а также музыканта и врачевателя у хантов, якутов и других народов.

До какого предела мы имеем основание говорить о синкретизме, а с каких пор о синтезе отдельных видов искусства — этот вопрос стал основой живой дискуссии. Были высказаны самые противоположные мнения: от отрицания синкретизма в дошедших до нас слоях фольклора до безоговорочного признания синкретизмом любого факта сосуществования в одном фольклорном произведении поэзии, музыки, танца и других видов движения. Компромиссную идею высказал М. Г. Кондратьев (Чебоксары), считающий, что синкретизм проявляется только в древних видах фольклора. Но где проходит граница между древними и новыми видами, и можно ли вообще предполагать существование ясно фиксируемой границы? Виды, жанры и отдельные элементы искусства не заменяют друг друга в строгой исторической последовательности. При новой общественной формации живет и развивается ряд явлений культуры более ранних эпох, совмещаясь и перекрещиваясь с новыми. В фольклоре разных народов можно обнаружить явления, весьма отличающиеся друг от друга по происхождению, жанровой специфике и по художественно-выразительным средствам, которые еще недостаточно изучены, чтобы делать категорические заключения. Существующая ситуация предостерегает от преждевременных обобщений и теоретических выкладок и призывает к тщательному, точному и объективному анализу материала.

Классификация ритмики народных мелодий, предпринятая М. Г. Кондратьевым, явилась интересным примером того, как выведенная на конкретном материале обобщенная система в целом сохранила свое значение и в рамках иной, более широкой теоретической концепции. Докладчик выделил четыре типа ритмики (речитативный, квантитативный, акцентно-тактовый и интонационный). Возможное влияние ритма движения на ритмический строй напева автором отвергалось.

В ряде докладов подчеркивалось, что во многих случаях ритм движения, сопровождающего песню, оказывается весьма важным, даже первичным, и определяет ритм напева. В качестве примеров приводились мордовские колыбельные и детские песни-забавки (Т. И. Одинокова — Саранск), северозастонские качельные песни (И. Рюйтел, К. Салве — Тарту), калмыцкие танцевальные песни и прибаутки (Т. Б. Бадаева — Элиста). В первом и последнем случаях ритм движения послужил причиной возникновения акцентно-тактового типа ритма, который отличается, например, от ритмической структуры большинства мордовских песен, а исполнение песен при качании на качелях обусловило возникновение особого типа ритма, основывающегося на весьма своеобразных квантитативных отношениях.

В прениях был также поднят вопрос об исследовании синкретизма на уровне семиотики (Х. Воолма — Тарту). В связи с этим возникла дискуссия о том, можно ли считать раннефольклорные явления художественной или же чисто коммуникативной знаковой системой. Эти системы в фольклоре, особенно раннем, не всегда четко дифференцируются. И в этом можно видеть одно из проявлений первоначального синкретизма.

О связи эстетической и практической функций (последняя может реализовываться непосредственно, или же путем предполагаемого влияния магии) говорилось как во вступительном докладе Ю. Тедре, так и в ряде других докладов. Проблема взаимоотношения искусства и неискусства, эстетически воспринимаемой музыки и комбинации звуков чисто сигнального рода возникла также при анализе пастушьих песен и наигрышей — доклады И. Д. Назинной (Минск) о сигнальной музыке белорусов, А. Виссел (Тарту) об эстонских пастушьих песнях, А. Черепахиной (Петрозаводск) о карельских пастушьих наигрышах. Докладчики отметили, что звуки пастушеской трубы при выгоне и загоне скота, сигналы тревоги, пастушьи переклички и обращения к животным — это прежде всего коммуникативные сигналы, но во многих случаях в них выявляется уже известная музыкальная упорядоченность звуков, которая оказывает и эмоциональное воздействие, следовательно, в большей или меньшей степени в них обнаруживаются признаки художественной знаковой системы. Эта степень зависит,

¹ Финно-угорский музыкальный фольклор: проблема синкретизма. Тезисы докладов. Таллин, 1982. 72 с.

однако, не только от объективных признаков, но и от субъективного восприятия, которое в значительной мере представляет собой проекцию традиционного, коллективного художественного восприятия. Поэзия, музыка, верования и обряды, эстетическая, развлекательная, производственно-магическая и непосредственная практически коммуникативная функции, степени, формы и взаимоотношения их в отдельных жанрах и видах фольклора открывают многообещающие перспективы для дальнейших исследований. Именно эти явления на границе фольклора и нефольклора могут оказаться источником, который поможет и решению таких коренных вопросов, как возникновение музыки.

Учитывая нынешнее состояние музыкального финноугроведения, для достижения более конкретных результатов было решено сосредоточить тематику конференции главным образом на двух аспектах синкретизма в более узком смысле — отношении слова (поэзии), музыки и движения. Такой вид синкретизма был сформулирован уже А. Н. Веселовским: «сочетание ритмованных... движений с песней-музыкой и элементами слова»². Часто для создания общей картины не хватает именно каких-то важных деталей. Так, в науке до сих пор почти не описаны такие явления, как удмуртские причитания, хороводные песни и языческие молитвы, которые на конференции рассматривались в докладах Т. Г. Перевозчиковой и Р. А. Чураковой (Ижевск) и М. Г. Хрущевой (Астрахань), а также марийские игровые и танцевальные песни, и песни в сказках, с которыми познакомили слушателей О. Герасимов и Д. М. Кульшетов (Йошкар-Ола).

Почти у всех финно-угорских народов зафиксированы архаические явления культуры, синкретический характер которых очевиден даже при наличии позднейших черт, где проявляется известная автономность составных элементов. Одним из таких жанров являются причитания — важный компонент древних похоронных и свадебных обрядов. В подлинном причете, особенно при исполнении его в реальной обстановке, слово, напев и собственно плач неразрывно связаны между собой, причем, интонации рыдания и жалобы зачастую определяют всю музыкальную структуру причитания. Связь стиха и напева в причитаниях рассматривалась в докладе И. Б. Курагиной (Петрозаводск). Она указала, что у вепсов, от которых записаны причитания как на вепском, так и на русском языках, начало акцентно-ритмической единицы мелодии в вепскоязычных записях обычно совпадает с началом слова; при этом ритмическую структуру мелодии всегда определяют словесные ударения. В русскоязычных же причитаниях начало акцентно-ритмической единицы часто приходится на середину слова и встречаются перенесения словесных ударений.

Лучшие предпосылки для осмысления материала имеются там, где фольклорная традиция еще жива, а сам исследователь является членом коллектива — носителя традиции. В настоящее время в довольно благоприятных условиях оказались исследователи фольклора финно-угорских народов Поволжья. Ценные сведения о видах и особенностях мордовских плачей по умершим были приведены в докладе Л. Б. Бояркиной (Саранск). Очень интересным оказалось выступление Т. Г. Перевозчиковой. В удмуртских причитаниях превалирует мелодия, являющаяся основным жанровым признаком. Даже само название причитания включает понятие «напев», «мелодия» (у северных удмуртов оно, впрочем, совпадает с названием гуслей). Текст может состоять лишь из асемантических припевных слов, подобно саамским йойгам, или из отдельных фраз, комментирующих события. Самой ранней стадией развития жанра причитания докладчица считает свободное рецитируемые прозаические импровизации. Имеются и причитания с определенной стихотворно-строфической структурой (часть свадебных причитаний), но они несут уже отпечаток более позднего происхождения. Если у мордвы, коми, карелов и русских свадебная причеть представляет весьма развернутый жанр со многими подвидами, связанными с различными моментами свадьбы, то у удмуртов, как подчеркнула докладчица, причитание сопровождает лишь одно, наиболее важное событие — проводы невесты из родного дома. Очевидно, подобная ситуация в прошлом была характерна и для эстонской свадьбы — поэтические мотивы песен, исполняемых при провах невесты из дома, по содержанию весьма близки к причету. Они известны и другим прибалтийско-финским народам и, по мнению финских исследователей, по своему происхождению связаны с древними свадебными причитаниями. Заслуживает внимания и тот факт, что функция и магическая основа их та же, что и у удмуртов — заставлять невесту плакать. Плач при уходе из родного дома должен был обеспечить новобрачной благополучное будущее в доме жениха. Такого рода традиции свадебного причитания подтверждают, что свадебная причеть у финно-угров — относительно древнее явление, а не позднее, и заимствованное из похоронного обряда, либо от других народов.

Специальное заседание конференции было посвящено проблемам взаимосвязи музыки и хореографии. Доклады о марийских, удмуртских и калмыцких танцевальных песнях представляли собой первую трактовку данной тематики и конференция послужила прежде всего стимулом для постановки вопросов. Все доклады содержали ценную информацию и, несомненно, будут способствовать дальнейшему изучению танцевальных песен.

На конференции был затронут и такой вид синкретизма, как связь песни, танца и обрядов: доклады З. П. Соколовой (Москва) о культовой основе и обрядах, связанных с танцами медвежьего праздника у обских угров, Т. М. Ааничевой (Москва) о свадебных песнях и обрядах мордовского населения русско-мордовского пограничья, Я. и М. Сарв (Таллин) о провах в солдаты у удмуртов.

² Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М., 1940, с. 200.

Этнокультурные взаимосвязи и культурные контакты народов — неизменно актуальная тема в фольклористике. Можно было бы привести множество эстонских параллелей к докладу И. Д. Назиной о белорусской пастушьей сигнальной музыке.

Представляется, что одной из основных функций подобных конференций и является установление научных контактов и расширение перспектив исследования. На общие моменты в репертуаре пастухов разных народов обратила внимание А. Виссел, которая нашла близкие параллели к мелодиям переключек южной Эстонии в латышских и финских пастушьих песнях. Весьма любопытно было узнать из доклада В. Бендорфа (Рига), что так называемое нескандированное исполнение, при котором музыкальные акценты свободно переносятся в зависимости от словесных (частое явление в эстонских рунических песнях), не редкость и в латышских «сказываемых» песнях, причем от такого исполнения зависит и весь мелодический строй песни, который варьирует в зависимости от текста.

В ряде выступлений затрагивались взаимосвязи фольклора тюркских и финно-угорских народов. Л. И. Нагаева (Уфа) обнаружила в марийских танцах черты, явно заимствованные от башкир. Тюрко-татарские влияния ясно ощутимы и в музыке прибалтийских финно-угров. Прибалтийско-финские народы не имели прямых контактов с культурой тюркских народов, однако некоторые ее элементы (в трансформированном виде) знакомы им через посредство русской культуры.

Музыкальная фольклористика в автономных республиках Поволжья и Европейского Севера — молодая, но в последние годы быстро развивающаяся наука. В Эстонии же имеются давние традиции национальной фольклористики, опыт организации центрального архива (на основе системы картотек и регистров которого довольно легко исследовать любую деталь в общем контексте), а также относительно хорошая информация о достижениях международной науки. Эстонская школа фольклористики была представлена рядом докладов, которые в известной степени перекликались и дополняли друг друга. К. Салве дала обзор проблем исследования синкретизма эстонской рунической песни. Она считает целесообразным различать способ исполнения в узком и широком смысле. Первый отвечает на вопрос «как?» и зависит во многом от того, кто, где и когда исполнял песню, т. е. от способа исполнения в широком смысле. Далее докладчица рассмотрела, в какой степени имеющиеся архивные материалы позволяют решить эти проблемы. Кто, когда, где и как исполнял свадебные песни на эстонских островах — этот вопрос подробно освещался в докладе О. Кыйвы (Тарту), причем виды движения, сопровождающие исполнение песен, иллюстрировались живыми примерами в исполнении группы ансамбля «Лээгаюс». Автор данного обзора, опираясь на методы современной математической статистики, исследовала отношения мелодического типа с песенным жанром и другими признаками и показала, что благодаря структурной близости к речевой интонации (а также общему руническому стиху) один и тот же напев использовался в разных жанрах, где главенствовало речитативное исполнение (несмотря на возможную связь с движением). Единственным жанром, имеющим положительную корреляцию с определенным мелодическим типом, не употребляемым в иных жанрах, оказалась качельная песня (то же касается колыбельной, которая однако в данном материале встречалась редко). Анализ показал, что мелодический тип качельных песен во всей своей мелодической и ритмической структуре соответствовал раскачиванию качелей. Анализ базировался на наиболее архаичном слое северо-эстонских рунических напевов (однострочные трихордные мелодии). В докладе А. Виссел характеризовались три основных ареала эстонской пастушеской песни, ее подвиды и музыкальные особенности. В. Сарв говорила о песнях в сетуских сказках. Она показала, что песня в сказках часто выполняет функцию осуществления связи между «своим» и «чужим» миром. Докладчица отметила большую близость исследуемых сетуских одноголосных песен и аналогичного жанра остальных районов Эстонии.

Специальное заседание было посвящено прослушиванию магнитофонных записей и просмотру слайдов и фильмов. Большое впечатление произвели кинофильмы «Песни ливов» (производство Рижской киностудии) и фильм об этнической культуре хантов, снятый под руководством томского этнографа Н. В. Лукиной во время научной экспедиции. Оба фильма содержали ряд уникальных с научной и общенсторической точек зрения кадров. Т. Бадмаева продемонстрировала слайды о калмыцких танцах, З. П. Соколова о «медвежьем» празднике у обских угров. Н. Сайнахова (Ханты-Мансийск) ознакомила слушателей с записями хантыйских песен и обрядами мансийского «медвежьего» праздника. Х. Силвет (Тарту) продемонстрировал два уникальных явления хантыйского фольклора: специальные культовые мухоморные песни и впервые зафиксированные наигрышы на инструменте *гороп-юх*.

В программу конференции входили и фольклорные концерты. Анна Осипова (Мурманская обл.) пела саамские песни, в исполнении ансамбля с. Паданы Карельской АССР прозвучали карельские песни, а также старинные свадебные причитания. Ансамбль семьи Сталте из Риги ознакомил слушателей с песнями, играми и танцами ливов; ансамбль «Рёнтушки» из с. Рапполово Ленинградской обл. исполнил песни, круговые игры и танцы ингерманландских финнов. Особое место в репертуаре этого ансамбля занимают *рёнтушки* — своеобразные ингерманландские танцевальные песни. Марийский фольклорный ансамбль Тынбаевского сельсовета Башкирской АССР представил зрителям этнографический монтаж «Марийской свадьбы»; группа Вильнюсского художественного училища им. М. К. Чюрлениса порадовала публику мастерским исполнением литовских *сугаргинес* (архаический жанр с особым полифоническим многоголосием). Выступал также сетуский ансамбль «Сысаре» («Сестрицы») Таллинского Дома работ-

ников просвещения и науки. Аутентичный фольклор без сценической обработки, особенно если исполнители его сами являются носителями живой традиции, обладает особым очарованием. После концертов участники конференции имели возможность петь и плясать вместе с исполнителями. Желавшие могли еще раз на практике проверить неясные для себя вопросы, другие просто получили удовольствие от соприкосновения с народным искусством.

И. Рютел

СИМПОЗИУМ ПО ДРЕВНЕМУ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВУ

С 24 по 26 мая 1983 г. в Риге проходил межреспубликанский симпозиум «Проблемы изучения древнего домостроительства VIII—XIV вв. в северо-западной части СССР», организованный Институтом археологии АН СССР и Институтом истории АН ЛатССР. На четырех заседаниях симпозиума было прочитано 17 докладов, представленных 19 докладчиками, среди которых — 10 сотрудников научных учреждений РСФСР, 4 — Латвийской ССР, 2 — Эстонской ССР, 2 — БССР и 1 — УССР.

Основная тема симпозиума — древнее строительство деревянных наземных домов — чрезвычайно актуальна для археологов и этнографов, занимающихся восточнославянскими, балтскими и прибалтийско-финскими народами: она тесно связана с позднейшим городским и сельским жилищным строительством, основные приемы которого были выработаны еще в глубокой древности. Тема эта входит как важнейшая составная часть в изучение народной культуры. При разработке ее выявились как черты, общие для культуры соседних и родственных народов, так и локальные, характерные для тех или иных областей в прошлом и настоящем, а также взаимные связи и влияния народов на протяжении столетий.

В докладах были отражены результаты исследований, проведенных на территории гораздо более широкой, чем намечалось первоначально. Большинство докладов посвящено древнему жилищу Северо-Запада СССР (Прибалтика, Новгородская и Псковская области), меньшая часть — аналогичным постройкам центральных областей Европейской России, Белоруссии и Украины, где в культурном слое археологических памятников хорошо сохраняется дерево.

Я. Ф. Апалс (Рига) сделал доклад об уникальном памятнике древней Латгалии — Арайшском озерном поселении, в культурном слое которого было вскрыто 146 деревянных сооружений, в том числе 76 жилых домов, а также хозяйственные постройки и укрепления IX—X вв. Благодаря прекрасной сохранности дерева стало возможным выявить не только нижние части сооружений, но и практически все детали их перекрытий, конструкцию кровли с «самцами» и «курицами». В результате исследований возможна полная реконструкция жилых домов — однокамерных и двухкамерных (один такой дом смонтирован сейчас на опытном участке вблизи поселка) и музеефикация всего этого озерного поселения.

Жилищу Латвии XII—XIV вв. посвятил доклад Э. С. Мугуревич (Рига). Он рассмотрел средневековые жилища сельского населения, а также жителей посадов и замков. Анализ археологических материалов показал, что в XIII—XIV вв. в развитии домостроительства произошли существенные изменения. Древние традиции сохраняются преимущественно в деревенских домах, тогда как в городских, и в особенности в замковых постройках можно увидеть значительные инновации, в частности в отопительной системе (печи с подачей теплого воздуха, кафельные печи). Однако некоторые нововведения, например кирпич, применяются в сельских жилищах.

С докладом о зданиях каркасной конструкции XII—XIV вв. в Риге выступил А. В. Цауне (Рига). Постройки фахверковой и рамочной конструкции здесь открыто более 20. Отмечая, что некоторые элементы конструкции применялись в народном зодчестве Латвии, а также в городах Вильнюсе, Минске, Новгороде и Киеве (в последнем даже ранее XIII в.), автор считает, что большие каркасные дома средневековой Риги принадлежали немецким переселенцам (аналогии в Нижней Саксонии).

В докладе С. Я. Циммерманиса (Рига) «Некоторые архаические элементы в латышском народном зодчестве» показаны этнографические параллели археологическим материалам как в планировке жилища в целом, так и в конструктивных его деталях.

Два доклада касались эстонских жилищ XI—XII вв.

Ю. Я. Селиранд (Таллин) анализировал постройки, открытые им при раскопках на городище Охеярве в Южной Эстонии, — это рубленые дома с углами, скрепленными в «обло», в некоторых случаях (нижние венцы) просто стесанными. Полы в таких домах из обожженной глины, печи — каменки. Докладчик широко использовал аналогии с другими эстонскими городищами конца I — начала II тысячелетия н. э.

Э. Ю. Тыниссон (Таллин) говорил о постройках городища Лыхавере Вильяндинского района ЭССР, исследованного под руководством Х. А. Моора. Здесь обнаружены дома как с открытым очагом, так и с печью-каменкой, расположенной справа от входа, устьем к входу. В двухкамерных домах, которые автор считает прообразом жилой риги, в одной комнате располагалась печь, в другой — очаг.

Большая группа докладов связана со строительством домов в северо-западных областях Древней Руси, граничащих с Прибалтикой. В. В. Седов (Москва), выступив-